

На правах рукописи

**НЕФЁДКИН
АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ**

**КОННИЦА ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА
(военный и социальный аспект)**

**Специальность 07.00.03 — всеобщая история
(история древнего мира)**

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

**Ставрополь,
2007**

Диссертация выполнена в Санкт-Петербургском государственном
университете

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор **Фролов Эдуард Давыдович**

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Беликов Александр Павлович

доктор исторических наук, профессор

Кащеев Владимир Иванович

доктор исторических наук, профессор

Климов Олег Юрьевич

Ведущая организация: Педагогический институт при Южном Федеральном
университете.

Защита состоится 26 октября 2007 г. в 12 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 212.256.03 в Ставропольском
государственном университете по адресу: 355009, г. Ставрополь, ул.
Пушкина, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Ставропольского государственного университета.

Автореферат разослан “ ” _____ 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор исторических наук

Краснова И.А.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. На всем протяжении истории государственных образований армия была важнейшим звеном, тесно связанным с жизнью и изменениями в социуме. Без анализа и понимания этой взаимосвязи невозможно представить общий ход исторического процесса. Еще в архаическую эпоху господство знати выражалось не только в том, что она стояла у руля государственного управления, но и в том, что она несла основную нагрузку на поле боя, прибывая в армию на коне вместе со своими сопровождающими, тогда как пехота играла вспомогательную роль. Именно конница была в это время главным родом войск в Великой Греции, Фессалии и Ионии, а также в интересующей нас Македонии, где она состояла из гетайров, высшей землевладельческой знати. Именно в период эллинизма, в отличие от предыдущих эпох, конница стала играть особую роль на поле боя, зачастую решая исход сражения.

На примере армии как составной части эллинистической цивилизации мы видим механизм взаимодействия западной, греко-македонской, и восточной культуры и их трансформации в процессе этого взаимодействия. Изучение конницы не только обеспечивает существенное приращение материала к базе данных по античному военному делу, но и позволяет более глубоко понять закономерности военно-исторического развития древнегреческого общества и всей античной цивилизации в целом. Все это, как и недостаточная изученность проблемы, обуславливает актуальность выбранной темы.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является военное дело древности, поскольку оно является одной из важнейших составляющих социально-экономических, политических, технологических и даже ментальных основ бытия любой древней

цивилизации. Предметом выступает один из наименее изученных компонентов военного дела — конница как отдельный род войск, её генезис, становление, развитие и специфические особенности в период эллинизма.

Источниковая база исследования. Важнейшими источниками по теме являются нарративные, в которых можно найти информацию об историческом развитии, тактике и стратегии конницы, изобразительные (рельефы, фрески, монеты), демонстрирующие нам внешний вид и, иногда, тактику воинов, а также археологические находки, показывающие нам комплекс вооружения и реальные остатки оружия. Среди литературных источников особое место занимают специальные военные трактаты, в частности «Тактики», в которых, наряду с их основным сюжетом — описанием отрядов и маневров македонской фаланги — речь идет и о коннице. Собственно от эпохи эллинизма сохранился один трактат данного жанра — «Тактическое искусство» философа Асклепиодота (I в. до н. э.), как считается, ученика стоика Посидония Родосского. Уже в антикварном ключе с подробным рассказом об эллинистическом военном деле, написана «Теоретическая тактика» Элиана (ок. 110 г.), посвященная императору Траяну, который обращался к эллинистическим образцам для реформирования римской армии и создания нового устава. К этому кругу сочинений принадлежит и «Тактическое искусство» известного историка Флавия Арриана (ок. 89– между 169 и 180 г.), написанное в 136 г. В целом, сложность изучения информации, содержащейся в «Тактиках», заключается в определении грани, отделяющей теоретические установки от реальной практики эллинистической эпохи, ведь сохранившаяся информация для сопоставления обычно весьма скудна. Впрочем, даже теоретические схемы вполне могли базироваться на реальной военной практике, которую авторы пытались обобщить и схематизировать.

Исторические сочинения, повествующие о событиях эллинистической эпохи, не многочисленны, информация же о коннице

вообще встречается в них ad hoc. Из данной группы источников, в первую очередь, следует назвать 16–20 книги «Исторической библиотеки» Диодора (ок. 90–21 гг. до н. э.), в которых описываются события, начиная со времени правления Филиппа II и заканчивая битвой при Ипсе. Основными источниками информации по эпохе македонских завоеваний являются «историки Александра»: Флавий Арриан, сохранивший в своем сочинении «Анабасис Александра» переложение воспоминаний участников похода Птолемея и Аристобула, и Квинт Курций Руф, описавший экспедицию Александра в «Истории Александра Македонского» на основании другой исторической традиции, восходившей к Клитарху. Сведения, сообщаемые Плутархом (ок. 46– после 119 г.) в биографиях Эвмена, Деметрия, Пирра, Арата и Филопемена, как бы заполняют лакуну, имеющуюся у нас по событиям III в. до н. э. Сохранившиеся части «Всеобщей истории» Полибия (ок. 200– 120 гг. до н. э.) рассказывают о событиях эпохи установления римского господства с 264 (подробно с 221 г.) по 144 г. до н. э. Третья и сохранившаяся часть четвертой декады Тита Ливия (59 г. до н. э.– 17 г.) повествует о событиях 201–167 гг. до н. э., описываемых по материалам несохранившейся части труда Полибия. События Сирийской войны и противостояния Рима и Митридата VI Эвпатора описаны Аппианом (ок. 100–170 гг.) в 12–13 книгах его «Римской истории». Сведения других авторов менее важны.

Важное значение для определения социального статуса всадников и системы организации конницы имеют сохранившиеся папирусы из Египта птолемеевской эпохи, особенно документы из Тебтюнуса в Фаюме второй половины II в. до н. э. Некоторые сведения о сюжете мы можем найти и в материалах вавилонских табличек и эпиграфических источников с территории государства Селевкидов.

Степень разработанности проблемы. До середины XIX в. период эллинизма активно не изучался и в изложениях общего хода военной истории от эпохи Александра сразу переходили к римским

сюжетам. Первые работы, специально посвященные греческой коннице, рассматривали афинский материал, поскольку по этому региону имеется большее количество данных, чем по другим областям Греции. Первая монография по этой теме, выполненная на высоком научном уровне, принадлежит французскому исследователю А. Мартену, собравшему и обобщившему сведения нарративных (литературных и эпиграфических) источников, включая и эпоху эллинизма¹. Автор разбирает сюжеты, связанные не только с историческим развитием конницы, но и с проблемами комплектования, состава и командования афинской конницы.

Другой темой исследований стало изучение социального положения всадников в государствах Птолемеев и Селевкидов. По мере публикации папирусов всё более стали проявляться контуры плохо известной нам по литературным источникам армии Лагидов, ее организации, состава, способов комплектования, чему посвятили свои работы немецкие исследователи П. Майер, В. Шубарт и Ф. Юбель, голландский египтолог Э. Вант Дак, а также французский папиролог Ж. Лескье в своей фундаментальной монографии о птолемеевской армии, которая не потеряла своего значения до сих пор². По мере накопления эпиграфического материала и его анализа больше появилось данных о положении греко-македонских колонистов Селевкидов, которое рассмотрели в своих работах французский исследователь Ж. Раде, американские антиковеды Г. Коэн и Р. Биллоуз, а также В. Чериковер³.

В настоящее время интерес к коннице (как и к военному делу античности вообще) усилился, о чем свидетельствует факт появления

¹ *Martin A.* Les cavaliers athéniens. Paris, 1886.

² *Meyer P. M.* Das Heerwesen der Ptolemäer und Römer in Ägypten. Leipzig, 1900; *Schubart G.* Questiones de rebus militaribus, quales fuerint in regno Lagidarum: Dissertatio inauguralis historica. Breslau, 1900; *Lesquier J.* Les institutions militaires de l'Égypte sous les Lagides. Paris, 1911; *Uebel F.* Die Kleruchen Ägypten unter den ersten sechs Ptolemäern. Berlin, 1968; *Van't Dack E.* Ptolemaica selecta: Etudes sur l'armée et administration lagides. Lovanii, 1988.

³ *Radet G.* De coloniis a Macedonibus in Asiam cis Taurum deductis: Dissertatio. Parisiis, 1892; *Tscherikower V.* Die hellenistischen Stadtgrundungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig, 1927; *Cohen G. M.* The Seleucid Colonies: Studies in Founding, Administration and Organisation. Wiesbaden, 1978; *Idem.* The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1995; *Billows R. A.* Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden, 1995.

четырёх монографий на эту тему в течении 15 лет. Виргинский антиковед Г. Бью написал на основании своей диссертации (1979 г.) монографию, в которой анализируется история и социальный статус афинских всадников, в основном, классического и в меньшей степени эллинистического периода⁴. В 1993 г. появилась фундаментальная монография австралийского историка Й. Спенса, также написанная на основе своей диссертации (1988 г.), которая посвящена афинской коннице классической эпохи⁵. Автора интересуют две сферы — военная и социальная: тактика, комплектование, вооружение и роль всадников в обществе. В следующем году выходит в свет книга вашингтонского исследователя Л. Уорли, видевшего задачи своей работы в изучении роли всадников на полях сражений, начиная с микенского периода и заканчивая Восточным походом Александра Македонского⁶. Наконец, в 2002 г. американский классицист Р. Гейбел опубликовал свою монографию о кавалерийских операциях в Древней Греции в период между 500 и 150 г. до н. э.⁷ В работе автор показывает свое понимание развития конницы, которая появилась в Южной Греции лишь с середины V в. до н. э., приобрела большое значение в первой половине IV в. до н. э. и выигрывала кампании в экспедиции Александра благодаря координации действий с пехотой.

Отечественная историография, историография одной страны, естественно, уступает по количеству работ обширной западной. Главным образом интересующая нас тема затронута в трудах по истории военного искусства вообще или конницы в частности. В последней четверти XIX в., когда в связи развитием огнестрельного оружия значение конницы упало, и среди военных теоретиков шли споры о роли кавалерии в кампаниях, появился интерес к истокам последней, к ее истории. Появляются труды по истории конницы,

⁴ *Bugh G. R. The Horsemen of Athens. Princeton, 1988.*

⁵ *Spence I. G. The Cavalry of Classical Greece: A Social and Military History with Particular Reference to Athens. Oxford, 1993.*

⁶ *Worley L. J. Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece. Boulder; San Francisco; Oxford, 1994.*

⁷ *Gaebel R. E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman, 2002.*

сначала переводные иностранные⁸, а затем и отечественные⁹. В этих работах согласно историко-хронологическому принципу описывается организация, вооружение и тактика конницы.

Современные отечественные работы, анализирующие собственно армию и конницу, как ее составную часть, немногочисленны. Научная историография, специально разрабатывающая проблемы эллинистической конницы, отсутствует, за исключением работ автора этих строк, список которых приведен в конце автореферата. Можно также указать на статью казанского антиковеда А. С. Шофмана, рассмотревшего военные реформы Александра, и на статью историка из Ставрополя М. В. Нечитайлова¹⁰. Особенно интенсивно изучались в СССР социально-экономические проблемы, связанные с социальной ролью всадников. В частности, институт клерухии в Египте рассматривался историками в контексте землепользования в долине Нила, а проблемы греческого полиса на Востоке и Селевкидские военные колонии — наряду с системой землепользования и набора¹¹.

В современной историографии изучение конницы греков ведется с двух точек зрения: с социальной (набор, состав и организация) и с военно-исторической (история развития, вооружение, тактика). Лучше разработанными являются сюжеты, касающиеся всадников микенского, гомеровского, архаического и классического периода, тогда как периоду эллинизма не посвящено ни одного монографического исследования, а имеется лишь разбор отдельных родов конных войск или рассмотрение конницы в отдельной стране. Это, как представляется, связано с узкой специализацией современных исследователей, ведь данная тема отличается разнообразием источников, значительная часть из которых

⁸ *Нолан Л. Э.* История и тактика кавалерии // Военная библиотека. Т. III. СПб., 1871. С. 1–293; *Денисон Дж. Т.* История конницы. Т. I–II. СПб., 1897 (второе изд. — М., 2001).

⁹ *Марков М. И.* История конницы. Ч. 1. Тверь, 1886; *Сахаров В. В.* История конницы: Курс офицерской кавалерийской школы. СПб., 1889.

¹⁰ *Шофман А. С.* Армия и военные преобразования Александра Македонского // ВДИ. 1972. № 1. С. 171–186; *Нечитайлов М. В.* Кавалерия Александра Македонского // *Para bellum*. № 10. 2000. С. 35–52.

¹¹ *Зельин К. К.* Земли клерухов в Керкеосирисе по данным тебтюнисских папирусов // ВДИ. 1948. № 3. С. 36–51; *Он же.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I веков до нашей эры. М., 1960. С. 197–218; *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

нелитературная (эпиграфические, нумизматические, иконографические, папирологические), с разбросанностью материала по территории различных древних государств, со сложностью в определении стержня, на котором может базироваться исследование, и, конечно, с отсутствием хрестоматии, где были бы собраны сведения источников по теме, что значительно облегчило бы дальнейшее исследование.

Цели и задачи исследования. Общей целью работы является анализ феномена конницы в целом и отдельных ее родов, существовавших, начиная с эпохи Филиппа II и заканчивая I в. до н. э. Для достижения этой цели необходимо решить следующие конкретные задачи:

1. Собрать информацию, буквально по крупицам рассеянную по самым различным видам и типам исторических источников.

2. Критически, с опорой, прежде всего на источники, проанализировать немногочисленные специальные работы по избранной теме, отметить достижения предшественников, акцентировать внимание на спорных и нерешённых аспектах, дать их самостоятельное авторское решение.

3. Изучить состояние конницы в эпоху, предшествовавшую преобразованиям Филиппа II и Александра Македонского, показать их вклад в развитие кавалерии.

4. Подробно рассмотреть дальнейшую эволюцию конницы в период эллинизма: причины, цели, итоги, последствия, значение.

5. Исследовать оснащение всадника и коня, и на этой основе создать универсальную классификацию видов конницы, в соответствии с античной и современной военной теорией.

6. Тщательно проанализировать ту роль, которую играла конница на полях сражений в тесном взаимодействии с пехотой и элевфантерией.

7. Рассмотреть систему и принципы комплектования всадников.

8. Исследовать связь службы всадников с земельными

владениями.

9. Показать на примере конницы взаимодействие западного и восточного элемента в военном деле и культуре эллинистических государств.

Хронологические рамки исследования совпадают с традиционной датой эллинистической эпохи — 334–30 гг. до н. э. Поскольку основы для последующего развития конницы были заложены Филиппом II (359–336 гг. до н. э.), то казалось совершенно естественным начать работу именно с рассмотрения событий времени его царствования с небольшим обзором более древней истории, от которой сохранились лишь небольшие фрагменты. Основной же блок информации по теме заканчивается Митридатовыми войнами.

Географически работа охватывает территорию Селевкидской державы вплоть до Средней Азии, а также Балканский полуостров и Египет. В частности, анализируется эволюция конницы в Афинах, в городе — эталоне развития полиса в предшествующие эпохи, в Фессалии, где всадники по традиции продолжали играть значительную роль, в державе Селевкидов, представлявшей наиболее типичную эллинистическую монархию и в государстве Лагидов, которое показывает нам другой вариант развития военного дела. Разбор сведений о коннице этолийского и ахейского союза вследствие скудости и неинформативности данных пришлось оставить в стороне от рассмотрения. Данные из Великой Греции приводятся, в основном, в связи с развитием конницы тарентинцев, тогда как материал, происходящий с территории Боспорского царства — для сопоставления и более отчетливого выявления особенностей и путей развития конницы.

Методологическая основа диссертации. Работа базировалась на взвешенном доверии к источнику, на своеобразной «презумпции невиновности» данных. Ведь если последний сообщает заведомо фантастические данные, то можно попытаться верифицировать его

информацию, сопоставив ее с аналогичными свидетельствами, известными нам из других источников. Именно этот сравнительно-текстологический метод позволяет сопоставить свидетельства различных авторов между собой с целью выявления общих источников и способов их использования. Главным же методом работы с военно-историческим материалом является компаративный антропологический анализ источников, в целом не противоречащий традиционному сравнительно-историческому методу. Основная особенность данного подхода состоит в широком сопоставлении сходных явлений военного дела разных эпох, что позволяет понять и интерпретировать плохо или почти неизвестные аспекты военного дела древности. Основанием для этого является аксиома о том, что *homo sapiens* везде остается человеком со своими психологическими и физическими возможностями и потребностями. На войне же особое значение имеет психологический фактор, который связан с обычными стереотипами поведения индивидуума в экстремальной ситуации, каковой и является обстановка войны вообще и сражение в частности. Поэтому при сходном уровне развития военной культуры возникают и аналогичные явления в боевой практике. Составной частью этого подхода является сравнительно-типологический анализ различного рода источников, в котором свидетельства памятников письменности коррелируют с иконографическим, нумизматическим и археологическим материалом.

В основе нашего исследования лежит общенаучный метод структурного системного анализа, предполагающего рассмотрение явления во взаимосвязи и развитии в совокупности всех его составляющих существенных элементов. В данном случае – как изучение единого и неразделимого комплекса политической и военной истории, всех государственных институтов, социальной структуры, разных направлений политики, идеологии, культуры. А также принцип историзма как способ изучения явлений в процессе их возникновения и эволюции, в тесной связи с конкретными историческими условиями,

что способствует выявлению качественного и количественного своеобразия явлений, общего и особенного.

При таком методе научного анализа эллинистический мир предстаёт перед нами не хаотическим нагромождением стран и народов, а *единой системой*, подчинённой определённым законам развития. Исследование конкретных исторических сюжетов осуществляется на основе историко-критического метода, а также с помощью разработанных современным антиковедением методов изучения исторических источников, явлений и процессов.

Часто мы будем излагать собственные версии, существенно отличающиеся от общепринятого восприятия, но это всего лишь гипотезы и версии, отнюдь не претендующие на истину в последней инстанции. Мы будем стремиться к взвешенному изложению, избегая излишней категоричности, чтобы оставлять простор для существования и других взглядов.

Научная новизна исследования определена тем, что диссертация является единственным в историографии исследованием монографического характера, посвященным греческой коннице эпохи эллинизма. Работа призвана заполнить существенный пробел в историографии. Новым стал и подход к истории конницы с точки зрения военно-антропологического компаративного метода на основании всего комплекса существующих источников.

Основные тезисы, выносимые на защиту:

— согласно военному, экономическому, социальному и политическому развитию эллинистического мира можно выделить следующие этапы развития конницы: эпоха правления Филиппа II и Александра III (359–324 гг. до н. э.); «кавалерия империи» (324–321 гг. до н. э.); «эпоха диадохов» (320–270-е гг. до н. э.); эпоха эллинизма (270-е — 30 г. до н. э.).

— с конца III в. до н. э. начинается новый этап развития конницы

Селевкидов, связанный с заимствованными от парфян катафрактами, а со второй половины II в. до н. э. начинается последняя стадия развития конницы;

— с середины II в. до н. э., судя по эпиграфическим данным, в Афинах наступает новый этап развития конницы, связанный с интенсивным использованием тарентинцев;

— полное слияния восточного и европейского элемента внутри конницы можно найти только в последний год жизни Александра и, вероятно, в период регентства Пердикки (324–321 гг. до н. э.). Позднее восточные, греческие и македонские отряды составляли отдельные подразделения, взаимодействовавшие внутри одной армии;

— колонисты из новых городов, основанных Александром, должны были поставлять не только пехоту, но и конницу;

— всадники набирались из греко-македонских городов царства Селевкидов;

— согласно универсальному делению конницы, тяжелой конницей будут катафракты и копьеносцы, средней — эллинистические и греческие копьеносцы, а легкой — дротикометатели и лучники;

— сариссофорами в армии Александра были фракийцы и пеоны, вооруженные кавалерийской сариссой — типичным северобалканским копьем;

— димахи Александра не были отдельным корпусом типа драгунов Нового времени, это были пехотинцы, посаженные на коней в связи с военной необходимостью;

— после вторжения галатов (с 270-х гг. до н. э.) в эллинистическом мире под влиянием последних распространилась щитоносная конница и вместе с ней метательная тактика.

Практическая значимость исследования заключается в том, что фактические данные и выводы могут быть использованы для дальнейших научных исследований различных аспектов античной культуры, для разработки курсов лекций, учебно-справочных изданий, пособий по древней, всеобщей и военной истории, а также в качестве

материала для сравнения исследователями других исторических эпох.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались автором в форме доклада на следующих международных, всероссийских и региональных конференциях: «Боспорское царство как историко-культурный феномен» (Государственный музей истории религии, СПб., 1998); «Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе» (ГЭ–ИИМК, СПб., 1998); «Античное общество-3» (СПбГУ, 1999); «Жебелёвские чтения-III», «IV», «VI» и «VII» (СПбГУ, 2001, 2002, 2004, 2005); «Первая» и «Вторая» и «Третья международная конференция по эллинистическому военному делу» (Институт археологии Торуньского университета Миколая Коперника, Польша, 2003; Валенсийский институт классических и восточных исследований, Испания, 2005; Университет Франсуа Рабле в Туре, Франция, 2007); «Оружие и доспехи как показатели культурной передачи» (Университет Мартина Лютера в Галле—Виттенберге, Германия, 2003); «Война и военное дело в античном мире» (СПбГУ, 2004), «Древняя “Тактика”: древнее военное сочинение и его наследие» (Институт археологии Торуньского университета Миколая Коперника, 2005); «Чтения по военной истории» (СПбГУ, 2005); «III Ежегодная научная конференция молодых ученых “Война на Востоке”» (СПбГУ, 2005). Диссертация обсуждалась вся и по частям на кафедре истории древней Греции и Рима исторического факультета СПбГУ. Диссертантом периодически читался спецкурс «Военное дело древних греков» для студентов этой кафедры. Результаты исследования также отражены в опубликованных монографиях, статьях, переводах, рецензиях и тезисах докладов, список которых приводится в конце автореферата.

Структура и содержание диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, иллюстративного приложения и библиографии, включающей в себе как список основных источников, так и современную научную

литературу.

Основное содержание работы

Во «Введении» приводится источниковедческий и историографический обзор, ставятся задачи и очерчивается предмет исследования, обосновывается актуальность выбранной темы.

Глава I: «Конница в эпоху Филиппа II и Александра III». В V–IV вв. до н. э. Македония находилась между двух огней: фракийцами и иллирийцами, с одной стороны, и греками, с другой. Эти противники оказывали влияние на военную культуру македонян. Цари Нижней Македонии, ясно осознавая слабость своей военной организации, проводили военные преобразования, которых, однако, оказывалось недостаточно для выведения армии на передовые военные рубежи. Походные войска состояли из македонских всадников, греческих гоплитов и варварской легкой или средней пехоты. Македонская пехота была слаба и еще отец Филиппа II, Аминта III (393–370 гг. до н. э.), опирался на наемников и союзников, а не на ополчение македонян (Хен. Нелл., V,2,38; Diod., XV,19,3). Как ни странно, конница из нижней равнины Македонии не была сильна, ведь в источниках она действует неэффективно, и, наоборот, всадники из верхней части царства более действенны в бою, что, вероятно, объясняется их бóльшей военной закалкой, а также тактикой и вооружением, приспособленными для борьбы с беспокойными соседями.

Согласно македонской военной традиции, сложившейся к середине IV в. до н. э., наиболее боеспособной частью армии Македонии была все же конница, в которой служила знать. Учитывая эту традицию, Филипп значительно увеличил численность конников, раздавая поместья новым всадникам-гетайрам. Для увеличения боеспособности кавалерии он ввел клинообразное построение, позволявшее всадникам лучше маневрировать, следуя за командирами, стоящими впереди в острие и указывавшими направление атаки. Заимствование этого построения произошло во

второй половине 50–40-х гг. IV в. до н. э. от одрисов. Именно Филипп сделал из конницы значимый вид вооруженных сил, действия которого приносили победу.

Для борьбы с персидской армией, важнейшую часть которой составляла конница, наследнику Филиппа Александру потребовалось увеличить и долю кавалерии в экспедиционной армии, подняв ее с классического у греков соотношения с пехотой 1 : 10 до 1 : 6. Конницу составляли 1800 гетайров из Нижней Македонии, всадники же из верхней части страны были оставлены Антипатру. Наряду с 1800 фессалийцами, в походе также участвовали 600 греческих союзных всадников из Южной и Средней Греции. При переходе через Геллеспонт конных, более высокооплачиваемых, наемников у Александра не было — не позволяли финансовые возможности. Самых греков Александр особо не ценил как боевую силу, оставляя их в гарнизонах и направляя на подавления восстаний. Положение конных фракийцев в армии до конца не ясно: они были наемниками, или, скорее, зависимыми союзниками. По своему статусу контингенты в армии различались: наиболее привилегированными были македоняне, затем шли свободные греки, ниже стояли зависимые фракийцы.

Первое серьезное реформирование армии произошло в конце 331 г. до н. э. в Ситтакене, когда к Александру подошли большие подкрепления из Македонии. Видимо, несмотря на понесенные в ходе кампании потери, эскадроны-илы у гетайров оказались укомплектованы полностью, если не сверхштатно. К этому времени персидская полевая армия трижды потерпела поражение и стало ясно, что в ближайшее время генеральных сражений не будет. Понадобилось сделать армию более мобильной, как организационно, так и тактически. Ила была разделена на два лоха, командиры же в них стали назначаться не по этническому принципу, а согласно боевым заслугам, позволившее Александру усилить свой контроль над ними, что шло в русле будущей имперской политики царя, в

отказе от национальных барьеров. Атрибуция «сотни» ($\kappa\alpha\tau\omicron\sigma\tau \lambda\varsigma$) в составе кавалерии не ясна, можно предполагать, что это было синонимичное название для лоха или отряд азиатской конницы. Отряд гетайров, состоявший из 60 всадников, упоминается в источниках, возможно, это — тетрархия, четверть илы (Plut. Alex., 43,1; Arr. Anab., III,29,1). После 330 г. до н. э. в коннице появляется новое соединение — гиппархия. Исследователи насчитывают восемь гиппархий, в каждой из которых, считая чисто математически, было до тысячи всадников, в том числе менее трех сотен македонян. Появление гиппархий было вызвано стремлением создать более крупные соединения тяжеловооруженной кавалерии, которые могли бы самостоятельно действовать вместе с пехотой и легкой конницей во время специальных экспедиций, часто посылаемых царем во второй половине Восточного похода. В 330 г. до н. э. в Дрангиане после казни командующего конницей гетайров Филоты произошло реформирование и общей системы командования. При возросшей подозрительности царя он поставил над гетайрами двух своих ближайших сподвижников: друга детства Гефестиона и Клита Черного, командира царской илы, брата кормилицы царя. Возможно, Клит продолжал одновременно быть командиром царской илы.

В 330 г. до н. э. Александр, рассматривая себя в качестве наследника ахеменидского престола, стал вводить персидские порядки в государстве, трансформируя «патриархальную» македонскую монархию в восточную. Так появилась должность тысячника-хилиарха, которую занял Гефестион. Тут мы видим слияние в одном лице двух должностей Гефестиона: кавалерийского командира и хилиарха-визиря. Как новый персидский царь Александр стал инкорпорировать в армию своих подданных — азиатов. На первом этапе, в 330–325 гг. до н. э., он присоединял отдельные отряды, в которых сохранялась своя организация и командиры. Причем царь использовал именно всадников восточных иранцев, которые были одними из наиболее боеспособных в ахеменидской

армии, что сам Александр мог оценить в ходе кампании. В начале похода у Александра не было настоящих конных метателей. Они появились лишь в Иране и Средней Азии — сначала дротикометатели (видимо, мидяне), а затем лучники, которые составили действенный противовес своим иранскими сородичам в ходе кампании. На втором этапе инкорпорирования, в 324 г. до н. э., бактрийцы и персы были введены в ряды гетайров: девять из них было зачислено в агему, а остальные составили отдельные гиппархии, которые должны были сражаться вместе с македонскими и одной смешанной. Возможно, во избежании внутренней конфронтации иранцы составляли отдельные илы со своими национальными командирами. Царь был вполне удовлетворен конницей гетайров, поэтому он инкорпорировал туда персов, а не создавал в основной армии отдельные специальные соединения азиатов, по типу пеших эпигонов. Ведь гетайры успешно сражались с персидскими всадниками и побеждали их своим же македонским оружием. В то же время именно персидские всадники, зачисленные в гетайры, успешно могли сражаться со своим традиционным оружием против хорошо им известных азиатских конников. И, наконец, во время бунта в Опесе Александр решил полностью заменить конницу гетайров на персидскую, включая агему, однако, видимо, этого не произошло вследствие урегулирования конфликта (Diod., XVII,109,3; Arr. Anab., VII,11,1–3).

На примере конницы гетайров и персидско-македонской фаланги мы ясно видим, что военная политика Александра была вызвана не только недостатком людских резервов (хотя и этот фактор явно сказывался), но, как явствует из примера комплектования агемы, политикой, направленной на привлечение азиатов, главным образом, персов, в государственные структуры и, в первую очередь, в армию, как в основу государства, призванную сцементировать вновь созданную империю.

В войне Александр был нападающей стороной, и его стратегия заключалась в постоянном движении вперед, в нападении, в решении

судьбы кампании в генеральных сражениях с целью, разбив основные силы врага, закончить войну быстрее. В битвах он использовал тактику, которую применяли до него Филипп и Эпаминонд: сосредоточение сил на направлении главного удара. В отличие от типичной греческой армии, где конница на поле боя сражалась с вражескими всадниками, а пехотинцы билась с неприятельской пехотой, в македонской армии было налажено взаимодействие между пехотой и конницей. Кавалерия наносила основной удар, а пехота, входя в сражение, оттягивала на себя основную массу вражеских пехотинцев. Главный удар Александр наносил конницей правого фланга, гетайрами и продромами, правый фланг которых прикрывали легкие пехотинцы. Острые атаки было устремлено на вражеского полководца, после гибели или бегства которого плохо спаянные азиатские воинства должны были разбежаться. После же прорыва центра строя противника оба его фланга обращались в бегство. Задача левого крыла Александра сводилась к тому, чтобы разбить правофланговую конницу врага и не дать ему возможности перебросить подкрепления с этого крыла на другие участки боя, тогда как фаланга громила пехоту противника, стоявшую против нее. В отличие от битв Нового времени, где кавалерия стремилась опрокинуть вражеских всадников в ходе нападения, конница Александра атаквала, чтобы сражаться врукопашную. Хотя македонская кавалерия была нападающей силой, Александр, тем не менее, не решался нападать на плотно построенную многочисленную пехоту врага. В подобных ситуациях действовало общее правило: конница не добьется успеха, атакуя готовую сопротивляться пехоту, стоящую в плотном неразорванном строю. Сам Александр с агемой гетайров возглавлял атаку, а не управлял сражением из тыла. Этого требовала традиция «героического века», согласно которой царь должен был своим примером воодушевлять воинов на схватку. Подобное местонахождение полководца снижало возможность управления войсками на поле боя и маневрирования в ходе схватки.

Разгромив фланги, Александр устремлялся с конницей в длительное нетипичное для греков преследование, позволявшее нанести врагу максимальные потери в живой силе, лишив его возможности собраться вновь. Во время осад всадники несли сторожевую службу, причем они не всегда сражались в конном строю, а специально спешили, когда условия местности или обстановка осады препятствовали им действовать верхом.

Каждый вид конницы в армии Александра играл в кампании свою роль, которая лучше к нему подходила и для которой он был подходяще снаряжен: продромы были разведчиками и авангардными бойцами, гетайры и фессалийцы — основной ударной силой, греки (наемники и союзники) — вспомогательными частями. Конница была неотъемлемой частью экспедиционных корпусов, которые Александр отделял от армии в ходе кампании для различных операций.

Глава II: «Развитие конницы в эпоху эллинизма». В период регентства Пердикки имперская армия еще продолжала быть единой, тогда как местные сатрапы располагали своими силами. Однако после смерти регента началась дезинтеграция центральной армии, разделившейся между Антигоном и Эвменом. Конные и пешие армии диадохов состояли из пяти главных частей: гвардейских формирований, являвшихся ядром войска; гарнизонных частей, размещенных в сатрапиях еще Александром и состоявших, в основном, из греческих наемников; военных поселенцев, новых (македонян, греков, фракийцев) и старых (главным образом, иранцев); вновь нанятых наемников; пестрых азиатских ополчений, которые в разных сатрапиях набирались в соответствии с принятыми там еще при Ахеменидах традициями.

Во время борьбы диадохов изменился сам характер войны. Если при Александре борьба шла с войсками Ахеменидского государства — боролись две совершенно разные силы, то теперь сражались между собой не только полководцы, вышедшие из одной военной школы, имевшие схожие стратегические и тактические взгляды и даже лично

знавшие друг друга, но и схожие, располагавшие однотипными (но в разном соотношении контингентов) армии. Войска зачастую строились зеркально друг против друга. Диадочи продолжали военные традиции Александра, что выражалось в четкой структуре армии, организации тренинга воинов, неплохой логистике, скорости передвижения, экономии сил для атаки в нужный момент, в традиции ударного и обороняющегося крыла (построение косым строем), во взаимодействии тяжеловооруженной македонской кавалерии и легкой азиатской конницы. Основные задачи конницы по-прежнему состояли в борьбе со вражескими всадниками противоположного крыла, в разгроме и преследовании, во время которого кавалерия, однако, обычно отрывалась от основной линии своих войск. Вместе с тем, слабее стала координация между разными родами войск даже внутри одного крыла. Если конница оставалась основной атакующей ударной силой, то решающей силой на поле боя оказалась македонская фаланга, поражение которой, собственно говоря, и решало исход битвы. Именно эта значимость на полях сражения придавала фалангитам значимую социальную роль в армейской и государственной жизни. Особенностью тактики периода стало стремление захватить обоз противника, где находились семьи и имущество врагов, и тем самым деморализовать неприятеля. В эту эпоху стали использовать боевых слонов, которые эффективно боролись с вражеской конницей, в частности, блокируя атаки последней (Ипс), но обычно животные сражались друг с другом. В целом, в военном деле диадочов продолжались военные традиции Александра, которые модифицировались в соответствии с изменениями военно-политических и социально-экономических условий того времени.

Из эллинистических государств в диссертации рассматриваются наиболее типичные государственные образования периода: как образец полиса в новом мире — Афины, как пример федерального государства — Фессалия, как образцы монолитных монархий —

Македония и Египет; как пример разнородной империи — держава Селевкидов. В эллинистический период армия **Афин** была небольшой. Она базировалась на подразделениях, состоявших из отборных от фил воинов-эпилектов, небольшом отряде всадников и значительном количестве наемников, лишь при необходимости собирали ополчение, в особенности, во время осад. Очередной, четвертый, согласно Й. Спенсу, этап развития конницы Афин начался около 320 г. до н. э., когда корпус конницы был уменьшен с 1000 всадников до 200–300¹². По общему правилу сам всадник должен был приобретать себе снаряжение, однако уже во время Ксенофонта считалось, что филархи несут ответственность за вооружение своих всадников и должны требовать от последних вооружаться согласно с традициями (Хеп. Нипр., 1,22–23). С середины II в. до н. э., судя по эпиграфическим данным, можно выделить новый (пятый) этап, связанный с интенсивным использованием дротикометателей-тарентинцев. Естественно, и ранее Афины располагали отрядами легких всадников: во второй половине V в. до н. э. — конными лучниками, а в IV–III вв. до н. э. — продромами, однако они были вспомогательным родом войск по отношению к более многочисленным конными копьеносцам.

Фессалийская конница на всем протяжении ее сохранившейся в источниках истории была тяжелой, сражавшейся копьями, сначала метательными или метательно-ударными, а затем колющими. Она действовала в территориальных отрядах-илах, первоначально состоявших из аристократов и их свит, а позднее — из горожан. Видимо, таг Ясон Ферский в первой трети IV в. до н. э. стал обучать всадников сражаться в ромбовидном строю, в котором легче было маневрировать, в частности, поворачивать, отступать и затем вновь наступать, то есть действовать, как в обычной конной битве. Внутри ромба, скорее всего, ставились хуже вооруженные и менее обученные всадники, возможно, пенесты, которые могли сопровождать своих

¹² Spence I. G. The Cavalry... P. 9–17.

господ в битве. Именно в таком построении особенно было удобно использовать колющее копье типа ксистоны. Как долго и как интенсивно использовалось ромбовидное построение, не ясно, но похоже, что в середине II в. до н. э. оно сменилось обычным для греков прямоугольным построением. Фессалийцы были сильны, сражаясь именно в сплоченных отрядах, тогда как в стычках и в различных действиях по типу легкой кавалерии они были слабы. Они сражались без помощи гамиппов — настолько они были уверены в своих силах, хотя обычно бились с конницей врага, не отваживаясь атаковать построенных гоплитов (Хен. Hell., IV,3,5). По своим боевым качествам фессалийцы были ничем не хуже, а иногда и лучше знаменитых македонских гетайров, которые подчас сражались с вражескими всадниками с помощью пехотинцев. В качестве настоящих верховых метателей в эллинистический период фессалийская лига, как и другие греки, использовали тарентинцев.

В **Македонии** в эллинистическое время продолжались с некоторыми модификациями Филипповы традиции военного дела: основой армии оставалась знаменитая македонская фаланга. Состав конницы Антигонидов виден из рассказа Ливия (XLII,58,6–9) о кавалерийской битве при Каллинике (171 г. до н. э.), в которой участвовало три вида македонских всадников: просто македоняне, царские конники (наемники или всадники-неграждане) и гвардейцы из агемы и священных ил, количество которых было, по крайней мере, две. К Персею присоединились союзники фракийцы-одрисы царя Котиса, а также вспомогательные кавалеристы из греков и фракийцев. Судя по рельефам антигонидского времени, всадники защищались шлемом, панцирем и круглым щитом, тогда как наступательным оружием служили два копья и искривленная махайра — это коренное изменение в вооружении по сравнению с эпохой Филиппа II и Александра III, когда всадники располагали ксистопами, не имели щитов и вели ближний бой. Если в середине IV в. до н. э. македонская кавалерия отошла от дальнего боя, начав сражаться ксистопами в

клиновидном строю, то в конце своего развития она, по существу, вернулась к первоначальному способу боя. Для успешной борьбы к кавалерии стали добавлять легких пехотинцев, способных сражаться вместе со всадниками, и тем самым подкреплять действия своей конницы против вражеских всадников. Для подобной тактики уже не было необходимости строиться клином, удобнее был обычный прямоугольный строй. По мнению некоторых исследователей, конница Антигонидов находилась в упадке¹³, однако, скорее, следует говорить об изменении ее роли в войне. Теперь для внешних походов на Балканы набиралось не такое большое число конницы (не было необходимости: враги не располагали многочисленной конницей), тогда как для обороны государства старались набирать значительно большее количество войск как всадников, так и пехотинцев. Хотя во время диадохов значительная часть гетайров осталась вместе со своими командирами на Востоке, но при Персее, после долгой мирной передышки, мобилизационная способность Македонии оставалась весьма высокой и могло быть набрано до 5000 всадников, а на поле боя выставлялось 2000–3000 (Liv., XXXIII,4,5; XLII,12,8; 51,11), то есть число не меньшее, чем при Филиппе и Александре.

Хотя **империя Селевкидов** располагалась на обширных азиатских просторах, основу ее армии составляли не азиатские конные ополчения, а греко-македонские военные колонисты, поселенцы и горожане, к которым добавлялись контингенты наемников, союзников и подданных. Например, в битве при Магнезии (190 г. до н. э.) лишь 1200 из 12 000 всадников были лучниками-дахами (Liv., XXXVII,38,3; App. Syr., 32). Основой конницы были две агемы: первая, также именованная царской илой, состояла из гетайров (с ней обычно сражался царь), вторая — мидийская, называемая собственно агемой. Эти конники были вооружены

¹³ *Tarn B.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 73; *Walbank F. W.* Philip V of Macedon. Cambridge, 1940. P. 289; *Head D.* Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea, 1982. P. 116; *Буров А. С.* Вооруженные силы и военная политика Македонии (70–20-е гг. III века до н. э.): Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. М., 1996. С. 41.

различным длинным древковым оружием и являлись копьеносцами-ксистофорами или всадниками-щитоносцами. По общему соотношению конницы к пехоте Селевкиды следовали по следам Александра (1 : 4–6), однако по мере сокращения площади владений и уменьшения мобилизационных способностей, это соотношение эволюционировало в сторону традиционного для эллинов 1 : 10. Организационная структура конницы нам известна плохо, но те данные, которыми мы располагаем, позволяют говорить о ее близости к теоретической, подогнанной под двоичную схему, организации, описанной в «Тактиках» Асклепиодота, Элиана и Арриана. Сама же организация селевкидской конницы восходит к восточным традициям с ее десятичной системой счисления. Она не похожа на первоначальную организацию конницы Александра, а восходит к последнему периоду его правления, когда структура конницы изменилась, и у диадохов мы обнаруживаем подразделения в 4000, 2000, 1000, 500 и 50 всадников. Использование конницы в кампаниях Селевкидов диктовалось ее главным преимуществом перед другими родами войск — мобильностью. В целом, к восточной традиции можно отнести организацию и элементы вооружения, к греческой — вооружение всадников-горожан, а к македонской — тактику, названия отрядов, вооружение всадников-копьеносцев-ксистофоров, пропорциональное соотношение пехоты и конницы.

Государство Селевкидов представляет собой типичное, эталонное, эллинистическое государство, где сосуществовали, а отчасти даже переплетались македонские, греческие и азиатские военные традиции. Соприкасаясь с азиатскими государствами, обладавшими многочисленной конницей, держава Селевкидов сама имела сильную конницу, что отличает ее от других эллинистических государств — это явно восточная традиция, базировавшаяся как на особенностях системы комплектования, так и на стремлении к адекватному противостоянию соседям-врагам. Хотя сама империя располагалась в Азии, но основу ее армии и конницы, в том числе,

составляли не азиатские ополчения, а греко-македонские военные поселенцы и горожане, к которым добавлялись силы наемников, союзников и подданных. Именно греко-македонские колонисты были опорой трона.

В **Птолемеевском Египте** армия формально продолжала считаться македонской, а сами македоняне были привилегированной прослойкой общества, обязанной по традиции служить царю. Основу армии Лагидов в период расцвета (III–II вв. до н. э.) составляли военные поселенцы-клерухи, служившие за обладание земельными наделами. Национальная стратификация Египта влияла и на структуру конницы, где на верхней ступени социальной лестницы стояли завоеватели, македоняне и греки, тогда как египтяне обладали более низким социальным статусом. Лагиды использовали лучшую конницу свой эпохи: наемников-этолийцев, славившихся как легкая конница, и клерухов-фессалийцев, традиционно бывших тяжеловооруженными всадниками. Сначала египтяне привлекались в армию для вспомогательных служб, а затем они были включены в македонскую фалангу, то есть в македонскую военную систему, для них не была адаптирована египетская военная система.

Система клеров — наделов, данных за службу, — постепенно приходила в упадок, становясь наследственным владением, с которого просто платили налоги. Всё бóльший упор делался на наемников, которых даже не потеснили египтяне, в значительном числе набиравшихся в армию. Со II в. до н. э. среди наемников идет снижение количества греков, но увеличивается доля фракийцев, малоазиатов, сирийцев и т. д. По мере увеличения трудностей набора за границей, что, в частности, объясняется потерей иноземных владений, правительство ориентировалось на набор внутри страны: начиная с 160-х гг. до н. э., набирались добровольцы, как из египтян, так и из потомков эмигрантов. В финансовом плане это было дешевле для казны, в политическом — эти новые солдаты легче поддавались контролю.

Способ действия армий Птолемеев на поле боя базировался на принципах, заложенных Александром и развитых диадохами. Войско строилось традиционно: центр составляла фаланга, к которой по бокам примыкали щитоносцы, на флангах стояла конница, прикрываемая по фронту слонами. Последние использовались до середины II в. до н. э., они и начинали бой. Главный же удар производила конница, основные силы которой были сосредоточены на атакующем фланге, а затем уже в дело вступала фаланга. Отличие тактики Птолемеев от Селевкидом состояло в том, что Лагиды не опирались на стрелков (как конных, так и пеших), ведь у них не было азиатских ополчений, славившихся своими лучниками.

В целом, можно поддержать традиционное мнение о том, что диадохи в военном деле продолжали традиции македонской военной системы. Однако они не стали по примеру Александра смешивать европейцев и азиатов внутри одного отряда, они встали на альтернативный путь: македоняне, греки и азиаты стали составлять отдельные отряды, как конные, так и пешие, успешное взаимодействие которых на поле боя с другими подразделениями зависело от умения полководца. В целом, конница оставалась привилегированным родом войск, куда набирались состоятельные слои населения, будь то гражданин, военный поселенец или ополченец. В самой Греции продолжала существовать классическая конница, к которой прибавились метатели дротиков — тарентинцы и созданные по македонскому образцу ксистофоры. Пример Афин показывает нам, как развивалась организация конницы в рамках полисной системы, где наряду с собственно всадниками-гражданами широко использовались наемники и союзники. В Фессалии продолжают традиции атакующей ударной кавалерии в течении всего эллинистического периода. Эллинистические царства обладали большим разнообразием в комплектовании, организации, вооружении и тактике верховых войск. В Македонии, в общем, продолжались Филипповы традиции военного дела. Селевкидская конница

представляла собой пестрые отряды, основу которых составляли тяжеловооруженные гвардейские подразделения. Сталкиваясь с иранцами, в первую очередь с конниками-парфянами, потомки Селевка пошли по пути увлечения роли конных лучников и создания тяжеловооруженной конницы катафрактов — шло наращивание ударной мощи как для ближнего, так и для дистанционного боя. Именно в государстве Селевкидов роль конницы была особенно велика, что связано, как с системой набора войск, так и с фактором противника. В значительной части империя располагалась на территориях, где традиционно было развито конное военное дело, а ее противниками являлись конные массы азиатов. В древности Египет никогда не славился конницей и эпоха эллинизма не составляет исключение: пехота была тут основным родом войск. Конница здесь состояла из военных поселенцев и наемников, которые играли в верховых силах значительно большую роль, нежели у Селевкидов. Причем с течением времени значение конных клерухов падало, а роль наемников увеличивалась.

Глава III: «Рода конницы эпохи эллинизма». Классификация конницы согласно вооружению в «Тактиках» Элиана (ок. 110 г. н. э.) и Арриана (136 г. н. э.) достаточно формальна и ее можно использовать лишь частично, поскольку она не во всем отвечает тактическим задачам — наиболее важной характеристике кавалерии. В «Тактике» Асклепиодота (I в. до н. э.) сделана попытка отойти от разделения конницы по виду вооружения: автор попытался разделить виды конницы, исходя из способов ведения ею боя, — и это логично, но при этом автора-философа совершенно не заботили исторические реалии эпохи и он смело подгонял их под свою схему. Другими важнейшими характеристиками конницы являются вооружение, способ комплектования и система организации. Тяжеловооруженной конницей эллинистической эпохи можно посчитать катафрактов, а также копейщиков, сражавшихся с врагом в ближнем бою. Легковооруженными будут метатели дротиков и лучники. Собственно

греческих всадников, вооруженных копьем, в эту эпоху можно посчитать носившими вооружение средней тяжести.

Катафрактом следует назвать тяжеловооруженного всадника, обычно сидящего на защищенном коне, главное оружие которого — длинное копье. Стоит поддержать гипотезу Тарна–Толстова–Никонорова о зарождении этого рода войск в Средней Азии, причем, как представляется, он сложился из двух компонентов: из уже существовавшего тут панцирного всадника, сидящего на бронированном коне, и из длинного ударного копья, употреблению которого среднеазиаты могли научиться после реформирования армии Дарием III перед битвой при Гавгамелах (Diod., XVII,53,1). Само же появление тяжеловооруженной конницы у кочевников нужно искать в общем ходе военного развития, в стратификации кочевого общества, в сочетании с влиянием соседей. Катафракты появились в армии Селевкидов во время или после восточных кампаний Антиоха III (210–206 гг. до н. э.), будучи заимствованы от парфян. В битвах именно на них возлагали свои надежды эллинистические монархи, о чем свидетельствует их большое процентное соотношение к общему количеству конницы армии: 50% в битве при Магнезии, около 30% — при Тигранокерте; в контингенте, приведенном Артабазом Армянским М. Антонию, — вся шеститысячная конница была тяжеловооруженной, состоявшей, впрочем, из гвардейцев (Strab., XI,14,9). Вероятно, Селевкиды первоначально копировали восточные примеры для своей катафрактной конницы: это касается не только тактики, но и вооружения. Может быть на вооружении даже имелся лук, для действия которым в тяжелом доспехе нужна была особая сноровка.

Другим видом конницы были **копьеносцы** (doratoforoi). Во времена Ксенофонта унификации оружия у всадников не было и каждый сам выбирал, чем сражаться: с двумя дротиками, с копьем или с копьем и дротиками, с мечом или без него. Наличие пики и способ тренировки, предлагаемый Ксенофонтом (De re eq., 8,10), свидетельствует о способности всадников вести ближний бой. Это, по

существо, были всадники средней конницы. В IV в. до н. э. происходила эволюция в использовании всадником копья, главная тенденция которой заключается в переходе от двух копий архаической и раннеклассической эпохи к одному ударному копью, часто со втоком, который служил не только противовесом, но и вторым, запасным наконечником. Такая тенденция наблюдается в наиболее развитых в конском искусстве областях: в Фессалии и Ионии, то есть всадники с изменением вооружения и тактики становятся настоящими тяжеловооруженными.

В исторических источниках **ксистофоры** (*xustoforoi*) — типичный род тяжеловооруженной конницы, упоминаемый в источниках у диадохов, а, позднее, у Селевкидов. Однако еще ранее всадники с ксистопами появились у персов в результате реформы Дария III перед битвой при Гавгамелах (Diod., XVII,53,1). В конце своего царствования Александр вооружил азиатских всадников, вошедших в агемы гетайров, «македонскими копьями [= ксистопами]», сменив обычные для них метательные копья (Arr. Anab., VII,6,5). Они и могли быть частью ксистофоров у диадохов, которые в диспозициях отличались от отрядов собственно македонских отборных. Как и при Александре, ксистофоры Селевкидов продолжали сражаться без щита, что следует из «Тактик» (Asclep. Tact., 1,3; Ael. Tact., 12; Arr. Tact., 4,3–4), они были всадниками агемы и царской илы, то есть теми же гвардейцами. Арриан в своем перечислении видов копьеносцев (Arr. Tact., 4,1–3) не называл катафрактов **контофорами** (*kontoforoi*), катафракты упоминаются им отдельно, согласно письменной тактической традиции, однако в действительности под всадниками, вооруженными контосами, имеются в виду именно катафракты, парфянские и сарматские. Только Арриан в «Тактике» (4,2) упоминает **лонхофоров** (*logsoforoi*), то есть всадников, вооруженных *lonhe*, которое можно рассматривать как ударно-метательное копье типа персидского пальтона. Это наименование автор, видимо, почерпнул, работая с источниками, описывавшими эпоху раннего эллинизма. В частности, в

армии Антигона Одноглазого были мидийские лонхофоры (Diod., XIX,29,2; 39,2).

В армии Александра Великого имелись конные **сариссофоры** (sarissoforoi), наименование которых из-за нераспространенности этого рода конницы, не вошло в теоретические сочинения. По своим боевым задачам (разведка, авангардная служба) они часто именуются продромами (Arr. Anab., I,12,7; 13,1; 14,1; 6; II,9,2; etc.). Они были, как представляется, пеонами и фракийцами, подданными царя Македонии. На основании их тактического использования как ударной силы, они должны быть зачислены в копьеносцы тяжелой конницы.

Щит не был на вооружении греческой конницы, гетайры Филиппа II и Александра III его также не носили. Только тогда, когда было необходимо действовать в пешем строю, они брали в руки это оружие. Лишь в 270-е г. до н. э. у греков и македонян могла появиться **щитоносная конница**, которая получила это заимствованное оружие от галатов или от италийцев через Пирра.

Легкая конница в эллинистический период была представлена метателями дротиков и лучниками. Для греков IV в. до н. э. не был типичен первый вид конницы (ср.: Xen. Hell., VII,1,20–21), более обычным был второй. Отряд конных **метателей дротиков** был организован Александром в 330 г. до н. э. для мобильных действий, когда требовалось осуществлять быстрые операции и бороться с конными азиатскими стрелками (Arr. Anab., III,24,1). Видимо, метатели дротиков были набраны именно в Мидии, славившейся своей конницей. В эллинистическую эпоху согласно «Тактикам», конники, вооруженные дротиками, делились на два вида: метателей, ведущих бой лишь издали («тарентинцы»), и всадников, которые, метнув копья, переходили врукопашную («легкие всадники») (Asclep. Tact., 1,3; Ael. Tact., 2,13; Arr. Tact., 4,5–6). Само название **«тарентинцы»** указывает на происхождение данного вида конницы из Тарента. Впервые в письменных источниках мы их встречаем в значительном количестве (2300 всадников) в армии Антигона Одноглазого в битве при

Паретакене в 317 г. до н. э. (Diod., XIX,29,2). Позднее, в конце IV–II вв. до н. э., они широко распространились в греческом мире, став обычным видом конницы и разделившись на два выше упомянутых типа. Видимо, вначале они действительно были наемниками, а потом стали набираться из местного населения.

Конные стрелки из лука никогда не были ни основным, ни значимым видом конницы ни у греков, ни у македонян. Асклепиодот (Tact., 1,3) и Элиан (Tact., 2,14) называют конных лучников «скифами», тогда как Арриан (Tact., 4,5), придавая актуальность своему описанию, не упоминает это наименование. Название конных лучников «скифами», скорее всего, соответствует греческой военной практике (вероятно, афинской) V–первой половины IV в. до н. э. В этот период «скифами» называли не только пеших, но и конных стрелков. Арриан первый раз упоминает верховых лучников в армии Александра во время индийской экспедиции в 327 г. до н. э. (Arr. Anab., IV,24,1). Они появились у Александра в Средней Азии и были набраны из местных этносов, в первую очередь, дахов и «скифов» (вероятно, массагетов). В бою лучники вели обстрел врага, стремясь нанести ему максимальные потери и расстроить его боевые порядки еще до наступления основной массы копьеносной конницы. Диодохи и эпигоны также использовали восточные контингенты конных метателей как отдельные не смешенные с македонянами отряды. У Селевкидов это были дахи (Liv., XXXVII,38,3; 40,8; App. Syr., 32).

Особыми видами конницы следует считать димахов и амфиппов. Кроме как в рассказе об эпохе Александра, в исторических источниках мы не встречаем **димахов** — воинов, сражавшихся в конном и в пешем строю. Они, судя по сообщению Поллукса (I,132), имели вооружение среднее между гоплитами и всадниками. Можно предположить, что воин имел щит гоплита-фалангита и пехотное копье, поножи не были обязательными, они, ведь, мешали всадникам. Подобное вооружение позволяло воину при спешивании сражаться в строю пехоты. Появление этих всадников было вызвано конкретными

обстоятельствами, в частности, длительным форсированным преследованием отступающего из Мидии Дария III. Для быстрого передвижения Александр посадил пехотинцев на коней (Curt., V,13,8; Arr. Anab., III,21,7). Поскольку при езде в одной руке у воина было копье, а другой он должен был править конем, то щит, необходимый для пешего боя, во время езды перебрасывался на спину. Вероятно, по крайней мере, первоначально, димахи не были каким-то специальным отрядом в армии Александра: ими становились отборные пехотинцы в силу необходимости.

Двуконники-**амфиппы** не выделялись в отдельный род конницы в эллинистических армиях, но стали таковым в военной теории (Arr. Tact., 2,3). Это были просто всадники, имевшие двух коней, один из которых был заводным, что было необходимо для быстреего прохождения расстояний и маневрирования на поле боя. Практика ведения двух коней в кампании имела кочевое происхождение, ведь именно номады обладали достаточным количеством этих дорогостоящих животных. В эпоху эллинизма два коня в походе имели нумидийцы, фракийцы-мезы, лучники и копьеносцы мидян и парфян, а также римляне и тарентинцы.

В «Заключении» к главе отмечается, что древние «Тактики» делили конницу либо по вооружению, особо не учитывая способы ведения боя конницей (Элиан, Арриан), либо, наоборот, по тактике, не уделяя особого внимания вооружению (Асклепиодот). Оптимальным делением для греко-македонской конницы, как представляется, является деление, приводимое Асклепиодотом: конница, сражавшаяся вблизи, которую можно назвать тяжеловооруженной; сражавшаяся издали, которую можно посчитать легкой; средняя конница, всадники которой могли действовать и издали, и вблизи. Спешивающихся двоеборцев-димахов следует оставить вне этой классификации в качестве особого вида конницы (по существу, ездящей пехотой), тогда как амфиппов можно зачислить в ряды легких или даже средних всадников, поскольку с двумя конями обычно

выходили в бой в достаточно легком снаряжении. В эллинистический период в коннице с тяжелым вооружением служили не только потомки греко-македонских завоевателей, но и азиаты. Первые состояли в традиционно македонском виде коннице — ксистофорах (позднее — в щитоносной коннице), вторые же были катафрактами. Легкая конница набиралась из восточных этносов (лучники) и наемников, в частности, из дротикометателей-тарентинцев.

Глава IV: «Всадники эллинистической эпохи». При неразвитости товарно-денежных отношений, раздача земли воинам становится древнейшим и простейшим способом содержания воинов и организации армии, а подчас и всего государственного аппарата. **Афинские клерухи** в эпоху эллинизма с некоторыми перерывами продолжали владеть землями на островах Эгеиды. У нас нет прямых данных о том, что они были всадниками, но поскольку на Саламине и Лемносе упоминаются гиппархи, то, естественно, они руководили конниками на этих островах. Упоминание командира конницы на Саламине встречается в одном неполностью сохранившемся посвящении всадников во главе с гиппархом (ок. 320 г. до н. э.) (IG, II², 1955). Возможно, это был простой гарнизон, установленный на острове в период Ламийской войны, ведь только один из упомянутых всадников, происходил из островного дема. Во время Аристотеля специально для Лемноса избирался особый гиппарх (Aristot. Athen. pol., 61,6). Видимо, прав Г. Бью, который поясняет, что Лемнос особенно удобен для конницы по своему ландшафту¹⁴. Однако были ли эти всадники афинским гарнизоном или островными клерухами, не ясно.

По глиняным табличкам из Вавилонии ахеменидской и селевкидской эпохи известен «**надел коня**». Служба в качестве всадника за часть этого надела зафиксирована в одном договоре, заключенном в январе 421 г. до н. э. (UCP, 9: 275). Первоначально владелец надела должен был кроме себя выставлять еще, по крайней

¹⁴ Bugh G. R. The Horsemen of Athens. Princeton, 1988. P. 212.

мере, одного вооруженного всадника, по-видимому, конного сопровождающего, приобретая коня и вооружение. Постепенно наделы, снабжавшие Ахеменидов воинами, переходили в разряд экономических учреждений. Уже в последней трети VI в. до н. э. землевладельцы нанимали вместо себя заместителей. А поскольку найти последнего для службы конником труднее, да и дороже, чем пехотинцем, то владельцы наделов предпочитали посылать в конницу своих же слуг, платя им жалование. Качество такой конницы оставляло желать лучшего, о чем и говорит Ксенофонт (Суг., VIII,8,20). Возможно, и в эллинистический период положение было такое же.

Вся земля в **Македонии** делилась на три основных категории: на принадлежавшую македонским или «союзным» общинам и собственно царскую землю, которая считалась владением монарха, а не государства. Именно из последнего фонда происходило пожалование поместий за службу, в частности, — македонским гетайрам, которые первоначально были племенной знатью, окружавшей царя и сражавшейся вместе с ним. Филипп II, увеличивая количество конницы, широко раздавал поместья на вновь захваченных территориях. Показателем роста численности служит тот факт, что в 358 г. до н. э. всадников было 600, а в 336 г. до н. э. — более 3000, хотя, видимо, не все из них были гетайрами. Если поместья на старых македонских землях, скорее всего, не обладали зависимым населением, а землю обрабатывали арендаторы или батраки, то на вновь завоеванной земле такое население уже было. В целом, при Филиппе II гетайры как социальный слой трансформировались из древней землевладельческой в новую служилую знать, которая была обязана царю своим возвышением и составляла его социальную опору.

Александр продолжил политику своего отца по строительству новых городов. **Колонии, основанные Александром** на Среднем Востоке, служили и военным целям, основными из которых были умиротворение завоеванных территорий, защита дорог и прикрытие

границ. В этих городах Александр, проводя свою политику слияния народов, селил не только македонских ветеранов и греческих наемников, но и местное население, которое обладало определенными правами. Не все греки в колониях были добровольцами, в частности, тут были небоеспособные и раненные ветераны, которые не должны были долее обременять полевую армию и сначала оставались на излечение в колониях. Это позволяло царю не только избавиться от небоеспособных воинов, потомки которых к тому же были обязаны служить, но и создать опору среди местного населения.

Одним из основных элементов военной системы **державы Селевкидов** были греко-македонские колонии. Большинство колоний было основано первыми пятью царями династии в конце IV – первой половине III в. до н. э., когда держава находилась на вершине могущества. Цели основания были различными, главными из которых были защита территории государства и поставка солдат в армию. Колонии являлись, с одной стороны, объединяющим элементов полиэтнической империи, а, с другой, — они, находясь в иноязычной, обычно недружественной среде, сами искали опору и поддержку царской власти, составляя военную опору последней. По своему статусу военные поселения-катоикии (*katoikia*) стояли между городом (*polis*) и деревней (*kome*), ведь, с одной стороны, колонии имели муниципальные органы власти, а, с другой, — не располагали всем спектром полисных свобод, даже главным чиновником поселения был военный командир. Поселки основывались на «царской земле», колонист получал место для постройки дома, клер, состоявший из земли для обработки и участка для разведения виноградников. Размеры клера варьировались в зависимости от звания колониста, рода войск, в котором он служил, качества земли, близости города и прочих факторов (RC, 51). Ядром первопоселенцев были представители одной этнической группы и /или военного подразделения, что было важным фактором стабильности

дальнейшего существования. В надписи из Смирны (ок. 243 г. до н. э.) упоминается «конский клер», который дается колонистам, не имеющим надела (OGIS, 229). В данном случае наименование «конский» следует понимать как обозначение размера участка, ведь наделы всадников обычно были больше, чем у пехотинцев. Название же «конский клер», похоже, является эквивалентом вавилонскому «наделу коня», который также мог принадлежать не одному хозяину. Видимо, ахеменидская система наделов продолжала существовать не только в Вавилонии, но и в других частях империи Селевкидов. Постепенно клеры становятся собственностью, которую можно было закладывать.

Еще один вариант социальной связи воинов с системой землевладения представляет **Египет Птолемеев**. Первоначально армия Птолемея I базировалась на македонянах и, в значительной степени, на наемниках. Однако содержание большого наемного войска требовало больших бюджетных вливаний. Кроме того, на наемников в ходе кампании нельзя было положиться, египтянам же завоеватели не доверяли и первоначально не привлекали их к активной военной службе. Решение данного экономического и военного-политического вопроса Птолемей нашел в создании нового рода войск, состоящих из военных поселенцев-клерухов. Первоначально, это были, главным образом, греки-наемники. Своего расцвета система клерухов достигла во время длительного правления Птолемея II (285–246 гг. до н. э.). Размер клера зависел от происхождения поселенца, рода войск и звания и в III в. до н. э. колебался от 5 до 100 арур. В целом, большие по площади наделы принадлежали всадникам, а участки от 30 арур и менее — пехотинцам. Интересующее нас наименование «конский клер» находим в папирусе, датированном 249/8 г. до н. э., который представляет собой жалобу на имя царя от всадника-македонянина по поводу продажи им государству винограда (PSI, 976,1–3). Высший слой клерухов назывались «македонянами». Поселенцы-египтяне

стояли на более низкой социальной ступени, нежели греко-македонские катойки. Первоначально египтяне привлекались для вспомогательных служб во флоте, обозе, полиции и только позднее Птолемей IV (221–204 гг. до н. э.) ввел их в фалангу (Polyb., V,65,9; 107,2). В общем, в III в. до н. э. греческие военные поселенцы формировали конницу, египтяне же поставляли пехотинцев и отчасти всадников. В течение II в. до н. э. этниканы «македонянин», «перс» становятся показателями социального статуса, псевдо-этнонимами. Персы постепенно ассимилируются более многочисленными египтянами, а последние проникают в греческие отряды. Идет постепенная ассимиляция военных поселенцев местными жителями, которая, впрочем, не завершается в эллинистический период. Первоначально надел после смерти клеруха или в случае невыполнения им своих военных и налоговых обязанностей возвращался обратно в царский земельный фонд, но в конце III в. до н. э. участок стал переходить по завещанию от отца к сыну при условии продолжения службы последним. Уже во II в. до н. э. клеры могли передаваться другим лицам при условии несения ими всех обязанностей. Кризисные явления проявлялись и в запустении наделов.

В «Заключении» к главе отмечается, что в эллинистический период можно выделить три основных формы колонизационной деятельности, связанной с военной сферой: 1) традиционные греческие клерухи во владении Афин являлись гражданами полиса, пользовались соответствующими правами и выполняли соответствующие обязанности; 2) восточные военные поселенцы, перешедшие к эллинистическим правителям из предшествующей ахеменидской эпохи, которые владели наделом и обязаны были служить и платить подати за пользование землей (к этой форме колонизации в определенной мере можно отнести и птолемеевских клерухов); 3) Селевкидские катойки — типичные военные поселения греко-македонских колонистов, представлявшие собой компактные

поселения иноземных воинов.

Глава V: «Вооружение и снаряжение коня и всадника». Основным видом конницы в раннеэллинистическую эпоху были копьеносцы, вооруженные различными видами копий, меч был вспомогательным и иногда даже необязательным оружием. Тяжелая конница — **катафракты** — имели вооружение восточного образца, что соответствовало их происхождению. Они были защищены чешуйчатыми (возможно, пластинчатыми ламеллярными) панцирями, ламинарными (из согнутых узких пластин) наручами и поножами, закрытым шлемом с маской. Пика-контос длиной более 3 м была главным оружием катафракта. Конь катафракта был защищен чешуйчатой или пластинчатой армированной попоной и налобником.

Стандартным для греко-македонских копейщиков было наличие шлема и панциря. **Гетайры** защищались полотняным или металлическим панцирем с птеригами, на голову надевали беотийский или фригийский шлем. Главным оружием всадника была пика-ксистон длиной более 3 м, снабженная острым втоком, а не кавалерийская сарисса, которой были вооружены продромы. Поножи и щит не использовались. Кони копьеносцев эпохи эллинизма могли прикрываться масками и нагрудниками. Всадники сидели на коне, покрытом попоной, часто шкурой леопарда, и управляли животным с помощью шпор.

В бою **царь** выделялся своим вооружением, пурпурным плащом и пышным снаряжением коня. Монархи иногда одевали шлемы с рогами, бычьими, как символ могущества (Селевкиды), и козьими, как воспоминание о происхождении македонской династии (Пирр, Трифон). Поверх шлемов носили металлические венки, которые были наградой за храбрость, а не символом ранга. Символом ранга у македонян был своеобразный «офицерский шарф», завязанный на груди, который, первоначально мог иметь и чисто функциональное назначение: дополнительно скреплять панцирь. В 330 г. до н. э. Александр приказал своим «друзьям»-придворным и всадникам-

гетайрам носить длинное пурпурное одеяние, расшитое золотом, по персидскому образцу (Curt., VI,6,7). Позднее верхнее одеяние, видимо, в первую очередь, плащ, служило символом ранга придворных эллинистических монархов.

Поскольку оружие, особенно защитное, было весьма дорогостоящим предметом, то государство могло брать обеспечение им воина на себя, снимая с бойца большие денежные расходы. Этот процесс способствовал и определенной унификации и в какой-то степени униформизации самого вооружения.

В **«Заключении»** диссертации отмечается, что в эпоху эллинизма греческая культура распространилось далеко на восток, на территорию, где образовались эллинистические монархии, в которых сосуществовали, а подчас и взаимодействовали как западные, так и восточные институты. Армия была той сферой, где взаимодействие между Западом и Востоком было особенно интенсивным, где шло принятие и выработка наиболее прогрессивных явлений военного дела, которое было одной из составных частей культуры общества в целом. Конница, как один из двух основных родов сухопутных войск, ярко показывает, как сосуществовали, влияли друг на друга и эволюционировали западные и восточные явления в эллинистических монархиях.

Представить общую картину развития конницы в эпоху эллинизма достаточно сложно из-за того, что эволюция шла в разных регионах по разному, варьируясь не только по своему ходу, но и по времени. Это развитие могло идти плавно, эволюционно, или рывками, революционно. Базовыми параметрами для выделения нового этапа развития следует посчитать значительные изменения в способе комплектования и связанной с ним эволюцией социальной роли всадников, изменения в вооружении и тактике. Причем речь обычно идет об изменениях в тактике и вооружении, а также в системе комплектования. В гораздо меньшей степени изменения происходили в стратегии, которая у греческой, а позднее македонской конницы, как

представляется, не столь различалась. Ведь в кампании и в бою конница исполняла те функции, которые были заложены в ней ее главными преимуществами перед пехотой: быстротой передвижения и устрашением врага стремительной атакой.

За основу развития надо принять эволюцию главного рода греко-македонской конницы — всадников, вооруженных различного рода копьями. История кавалерии как рода войск в эллинистическое время, в целом, совпадает с основными историческими периодами данной эпохи: временем правления Филиппа II и Александра III, периодами диадохов и эпигонов. Такое совпадение обусловлено отнюдь не периодизацией политической истории, а той военной ролью, которую играла кавалерия в армии и, шире, в государстве. А эта роль, в свою очередь, тесно связана с военными, социальными, политическими и экономическими факторами, действовавшими в данный период, причем в различные эпохи наибольшее влияние оказывали различные факторы, базировавшиеся на тогдашних военных нуждах. Причем изменения обычно происходили не только в коннице, но и в пехоте, то есть в двух основных составляющих сухопутной армии.

Первый начальный этап развития эллинистической кавалерии — эпоха правления Филиппа II и Александра III (359–324 гг. до н. э.). Основной фактор, повлиявший на развитие конницы в начале правления Филиппа, был военно-политический, защита национальной независимости государства: после поражения от иллирийцев новому правителю пришлось возродить армию. Поскольку главными врагами в это время были иллирийцы и греки (и те и другие обладавшие сильной пехотой), то основной упор в начальный период был сделан на создание пешей фаланги. По мере завоевания новых областей царь получил возможность создавать землевладельческую знать, которая являлась опорой трона, будучи обязанной наделением землей монарху, и служила в кавалерии гетайров. Так образовалось большое количество новых помещиков-гетайров, то есть эволюционировала и социально-экономическая структура

государства. Гетайры были составной частью македонской национальной армии, основой, количественной и качественной, её конницы. Верховые вспомогательные части набирались из фракийцев. Насколько можно судить, уже во время Филиппа гетайры были вооружены одним колющим копьем-ксистоном, по фессалийскому, а не по общегреческому образцу, в качестве же одного из боевых строев стали использовать клин, помогавший лучше маневрировать на поле боя. В сражении конница являлась основной ударной силой, атаковавшей с опорой на пехоту боевые порядки врага, главным образом, его конницу.

Основы македонской кавалерии были заложены Филиппом и развиты Александром в ходе Восточного похода. Перед предстоящей борьбой с персами, славившимися своей конницей, новый царь увеличил как число гетайров, так и общее количество кавалерии путем включения туда большого корпуса фессалийцев и продромов. Соответственно, вместо классического для греков и имевшегося у Филиппа соотношения конницы и пехоты как 1 : 10, в экспедиционной армии Александра эта пропорция стала 1 : 6. Какого-либо реформирования кавалерии до похода на Восток источники не отмечают. Возможно, действительно, всё ограничилось лишь увеличением ее численности. Во время Восточного похода военная необходимость заставляла Александра улучшать военно-административную организацию кавалерии, вводя более мелкие (лохи) и более крупные (гиппархии) тактические единицы, а политические воззрения приводили к реорганизации в командовании конницы гетайров.

После смерти Дария III в 330 г. до н. э. Александр стал рассматривал себя полновластным хозяином Азии и в кавалерию гетайров стали набирать отдельных представителей знатных иранцев, вспомогательные же азиатские части служили в коннице, очевидно, с сохранением собственной организации и командиров. Александр активно использовал именно всадников восточных иранцев, которые

были одной из наиболее боеспособных сил в Ахеменидской империи. Призыв иранцев на службу диктовался, с одной стороны, тем, что Александр нуждался в адекватной силе, могущей противостоять азиатским конным стрелкам, а с другой, — политическими соображениями: Александр теперь стал царем Азии и мог призвать своих новых подданных к оружию в случае военной необходимости. В целом, кавалерия этого периода царствования Александра (330–324 гг. до н. э.) состояла из гетайров, с которыми взаимодействовали вспомогательные союзные и наемные эллинские и азиатские части. Данная ситуация на примере конницы показывает нам начальный этап развития эллинизма: отдельное несмешанное сосуществование трех военных традиций: македонской (пикноносцы-гетайры), эллинской (верховые копьеносцы) и азиатской, преимущественно иранской (конные метатели дротиков и лучники).

Второй этап развития эллинистической конницы можно назвать «кавалерией империи» (324–321 гг. до н. э.). Этот короткий промежуток времени следует выделить в отдельный этап развития, так как изменился и способ комплектования, и вооружение, и тактика конницы. По возвращении из индийского похода Александр стал создавать новую армию, «армию империи». В пехоте уже была создана азиатская фаланга «эпигонов» и позднее смешанная фаланга; в 324 г. до н. э. иранцы, в первую очередь, персы, были введены в ряды гетайров и составили тут отдельные гиппархии, наряду с чисто македонскими и одной смешанной. Причем вооружение азиатов осталось метательным, лишь зачисленные в агему получили ксистоны. Следовательно, тактика азиатских и македонских частей должна быть различной: метательный способ боя у азиатов и ближний у македонян. В это время Александр, как царь новой империи, стремился опираться не только на европейские, но и на азиатские части — это политический мотив реформы, хотя был и военный: убыль личного состава вследствие потерь и увольнений в отставку ветеранов, тогда как пополнения из Македонии еще не

прибыли. Тем самым был трансформирован принцип единства конницы гетайров как национальный (собственно македонский), так и в сфере вооружения. В данный период изменения происходили внутри конницы гетайров, которая состояла теперь из македонской и азиатской частей, но она была единым корпусом во главе с хилиархом. Это, по существу, следующая стадия слияния македонского и восточного элемента в армии, показывающая пример взаимодействия представителей разных культур, столь характерного для эпохи эллинизма. Сама военная реформа была вызвана как политикой слияния наций, проводимой Александром в конце его правления (политическая составляющая), так и военной необходимостью реорганизации армии на новых началах (военная составляющая). Данная стадия являлась примером наиболее плотного синтеза представителей Востока и Запада в рядах конницы и в армии в целом. Этот синтез, направляемый сверху царем, в конечном итоге должен был привести к стиранию национальных рамок в армии и к ломке старого эллинского образа варвара-врага.

Третий период развития эллинистической конницы — «эпоха диадохов» (321–270-е гг. до н. э.). В это смутное время конница гетайров исчезает как отдельное военное формирование. Оставшиеся на Востоке гетайры продолжали служить в агемах и отборных отрядах стратегов и сатрапов, тогда как остальная масса конницы теперь состояла из азиатских ополчений и греческих наемников, колонистов и союзников. Отряды македонян, греков и азиатов теперь не смешивались между собой, а сражались как отдельные взаимодействовавшие друг с другом тактические единицы, то есть, по существу, военное развитие вернулось к начальному этапу эпохи Александра. Главное различие армий диадохов между собой заключается в соотношении различных конных отрядов друг с другом и с пехотой. Если греко-македонские части выставляли тяжеловооруженную конницу, то азиатские — легкую. Вместе с тем, появляется и новый род легкой конницы, дротикометатели —

тарентинцы, первоначально — наемники. Это уже был не восточный, а западный, италийский, род войск, появление которого вызвано тем, что эффективных верховых метателей дротиков на Востоке были немного, преобладали лучники. Эти пестрые разношерстные отряды спаявала на поле боя воля и умение полководца. Тактика по-прежнему базировалась на принципах Филиппа и Александра: мощная конная атака ударным флангом, возглавляемая отборными частями при поддержке остальных всадников, тогда как решающую роль в битве зачастую играла фаланга. Особенностью военного дела эпохи стало использование слонов на поле боя, которые были особенно эффективны в борьбе против конницы.

В целом, в этот период в развитии конницы можно проследить общие черты, поскольку диадохи вышли из одной военной школы Александра и продолжали его военные традиции использования кавалерии на поле боя. Опять же на примере развития конницы мы видим, что три культурно-исторические традиции: македонская, греческая и азиатская идут параллельно, слабо взаимодействуя друг с другом, знаменуя собой отказ от принципов Александра.

С 270-х гг. до н. э. начинается новый, четвертый, собственно эллинистический этап развития конницы, который известен нам весьма фрагментарно (270-е — 30 г. до н. э.). Этот период выделяется, не только исходя из военной эволюции конницы, но и из общеисторического развития античного мира, поскольку он связан с окончательным формированием территориальных монархий и, собственно говоря, с новой регионализацией развития. Последняя, в свою очередь, объясняется разнообразием местных условий в способах комплектования и вооружения конницы. Регулярными по-прежнему остаются гвардии правителей, к которым в случае войны добавляют конников вербовкой наемников, набором военных поселенцев и ополченцев, призывом союзников.

В 270-х гг. до н. э., в начале данного периода, после знакомства греков с галатами идет адаптация эллинами кельтского оружия, как в

пехоте, так и в коннице. Вместе с ним приходит и особая тактика боя, в пехоте — сражение по способу пельтастов, а в коннице — действие метательными копьями, прикрываясь щитом. Именно в эту эпоху у греческих всадников последний оказывается на вооружении, а в теоретических «Тактиках» появляется новый вид конницы — «щитоносцы». Это — общеэллиническая тенденция в развитии тяжеловооруженной конницы. Другой особенностью эпохи был процесс изменения способа комплектования тарентинцев, название которых стало псевдо-этнонимом, а сами отряды набирались уже не из италийских наемников, а из местных жителей. Можно также говорить об изменении в вооружении и тактике внутри регионов, комплектование менялось редко: полисная конница у греков, национальная кавалерия в Македонии, военные поселенцы у Птолемеев и Селевкидов и т. д.

Две основные монархии эпохи, Селевкидов и Лагидов, показывают нам две различные военные системы. Государство Селевкидов представляет собой типичное, если не сказать, эталонное, эллинистическое государство, где сосуществовали, а отчасти даже переплетались македонские, греческие и азиатские военные традиции. Соприкасаясь с азиатскими государствами, обладавшими многочисленной конницей, держава Селевкидов сама имела сильную конницу, что отличает её от других эллинистических государств. Эта традиция базировалась как на особенностях системы комплектования, так и на стремлении к адекватному противостоянию соседям-врагам. Хотя сама империя располагалась в Азии, но основу ее армии и конницы, в том числе, составляли не азиатские ополчения, а греко-македонские военные поселенцы и горожане, к которым добавлялись силы наемников, союзников и подданных. Именно греко-македонские колонисты были опорой трона. Они продолжали вооружаться для боя колющими ударными ксистолами или щитами и копьями. Первый набор вооружения можно отнести к македонской, а второй — к общей греко-македонской военной традиции. У нас

недостаточно данных, чтобы разделить на этапы развитие конницы Селевкидов, но очевидно, что определенная стадия началась с конца III в. до н. э., когда происходит заимствование, видимо от парфян, нового вида тяжеловооруженной конницы — катафрактов, а со второй половины II в. до н. э. можно выделить начало еще одного этапа развития конницы, который связан с постепенным упадком селевкидского государства, уменьшением его территории, экономическими трудностями: снижается доля конницы в армии, пропорциональное соотношение которой к пехоте теперь составляет не 1: 5–6, как было при Антиохах III и IV, а 1 : 10; в данную эпоху всё большее значение в наборе конницы приобретают города; в источниках исчезают катафракты как род войск.

Еще меньше можно сказать о развитии конницы в Египте, в военной системе которого, в отличие от государственной и экономической, наблюдаются сильные греко-македонские традиции, тогда как египетские не играли значительной роли: даже, получая надел, египтяне включались в греко-македонскую военную систему. Некая реформа организации, которая явно стала рубежом в развитии, произошла в период между 173 и 165 г. до н. э., когда был произведен переход от этнических гиппархий к «количественным», от национальной организации отрядов к чисто административной, однако какие-либо подробности нам не известны. Эллинистический этап развития конницы закончился столкновением эллинистической и римской военной машины на поле боя, в которой первая потерпела поражение.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. Нефёдкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2001. 528 с. (33 п. л., 41 а. л.).

2. Нефёдкин А.К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э. – V в. н. э. СПб.: «Петербургское Востоковедение»; М.: «Филоматис», 2004. (Militaria antiqua, V). 192 с. (6 п. л., 6,4 а. л.).

Работы в изданиях, рекомендованных ВАК:

3. Нефёдкин А.К. Серпоносные колесницы: проблема происхождения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 1997. Вып. 2 (№ 9). С. 22–26 (0,5 а. л.)
4. Нефёдкин А.К. [Рец. на:] Worley L. J. *Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare)*. Boulder — San Francisco — Oxford, 1994 // Вестник древней истории. 2000. № 3. С. 175–179 (0,5 а. л.).
5. Нефёдкин А.К. Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // Вестник древней истории. М., 2002. № 1. С. 87–96 (1 а. л.).
6. Нефёдкин А.К. Маврикий и Арриан: к проблеме источников «Стратегикона» // Византийский временник. Т. 61 (86). М., 2002. С. 38–48 (1 а. л.).
7. Нефёдкин А.К. Развитие эмблематики на древнегреческих щитах // Вестник древней истории. М., 2002. № 3. С. 116–129 (1,3 а. л.).
8. Нефёдкин А.К. [Рец. на:] *M. Mielczarek. The Army of the Bosphoran Kingdom / Translated by N. V. Sekunda (Studies in the History of the Ancient and Medieval Art of Warfare. V. IV)*. Łódź: Oficyna Naukowa MS, 1999 // Вестник древней истории. М., 2002. № 3. С. 217–219 (0,3 а. л.).
9. Нефёдкин А.К. Метатели и сариссофоры: взаимодействие пехотинцев в эллинистических армиях // Вестник древней истории. Москва, 2005. № 2. С. 165–174 (0,9 а. л.).
10. Нефёдкин А.К. Конница эллинистических Афин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2005. Вып. 3. С. 138–141 (0,4 а. л.).

Остальные работы в порядке выхода в свет:

11. *Арриан*. «Диспозиция против аланов» / Пер. и ком. А. К. Нефёдкина // *Para bellum: Военно-историческое обозрение*. СПб., 1998. № 3. С. 4–11 (0,5 а. л.).
12. Нефёдкин А.К. Защитное вооружение колесничных коней на Ближнем Востоке в ахеменидский и эллинистический периоды // *Античный мир: проблемы истории и культуры*. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под ред. И. Я. Фроянова. СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. С. 249–260 (0,7 а. л.).
13. Нефёдкин А.К. О развитии тактики персидской конницы в ахеменидский период // *Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. С. 104–108 (0,3 а. л.).
14. Нефёдкин А.К. Очерки развития древнегреческого военного дела: от Микен к эллинизму (рецензия на монографию: Ducrey P. *Guerre et guerriers dans Grèce antique*. Fribourg: Office du livre, 1985. 320 p. 190 ill.+12 figs.) // *Para bellum: Военно-историческое обозрение*. СПб. 1998. № 7. С. 4–13 (0,7 а. л.).
15. Нефёдкин А.К. Развитие древнегреческого лоха // *Para bellum: Военно-историческое обозрение*. СПб., 1998. № 5. С. 24–31 (0,6 а. л.).
16. Нефёдкин А.К. Сочинение Михаила Пселла «О военном строе» // *Para bellum: Военно-историческое обозрение*. СПб., 1998. № 6. С. 4–11 (0,7 а. л.).
17. Нефёдкин А.К. Сцена боя на золотой обложке ножен акинака из Чертомлыка и военная реформа Дария III: к вопросу об интерпретации изображения // *Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы научной конференции*. Декабрь 1998. СПб.: б. и., 1998. С. 71–76 (0,4 а. л.).
18. Нефёдкин А.К. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // *Stratum plus*. СПб.; Кишенев;

- Одесса, 1999. № 3. С. 173–188 (1,7 а. л.).
19. Нефёдкин А.К. Развитие тактики персидской конницы Ахеменидов // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир: Сборник научных статей / Отв. ред. А. А. Кудрявцев. Ставрополь: Издательство СГУ, 1999. С. 20–32 (0,8 а. л.).
 20. Нефёдкин А.К. Численность и состав македонской армии в битве при Иссе // Античный мир: Материалы научной конференции. Белгород: Издательство БГУ, 1999. С. 8–20 (0,5 а. л.). (в соавторстве с А. И. Кицулой - 0,25/0,25 а.л.).
 21. Нефёдкин А.К. Научил ли Аристотель военному делу Александра? // Para bellum: Военно-исторический журнал. № 10. СПб., 2000. С. 11–22 (0,7 а. л.).
 22. Нефёдкин А.К. Основные этапы развития боевых колесниц в древности // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона / Отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 116–126 (0,4 а. л.).
 23. Нефёдкин А.К. Пажеский корпус при Александре Великом // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: «Алтейя», 2000. С. 131–136 (0,6 а. л.).
 24. Нефёдкин А.К. Изучение древнегреческой конницы в историографии нового времени // Жебелевские чтения-III / Пред. ред. коллегии Э. Д. Фролов. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. С. 221–226 (0,4 а. л.).
 25. Нефёдкин А.К. Комплектование и состав войска сарматов и аланов в I–IV вв. по данным античных источников // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы научной конференции / Отв. ред. В. Ю. Зуев. Ч. II. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2001. С. 201–212 (0,8 а. л.).
 26. Нефёдкин А.К. Конь сарматов и аланов по данным античных источников // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Материалы международной конференции / Глав.

- ред. В. М. Массон. Ашхабад: б. и., 2001. С. 88–89 (0,1 а. л.).
27. Нефёдкин А.К. Анонимное сочинение «Находчивые и мужественные в военных делах женщины» / Пер. и ком. А. К. Нефёдкина // Полиэн. Стратегемы / Изд. под ред. А. К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002. С. 567–584 (1 а. л.).
28. Нефёдкин А.К. Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // Полиэн. Стратегемы / Под ред. А. К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002. С. 39–56 (1 а. л.).
29. Нефёдкин А.К. Боевой порядок трибаллов, или к вопросу о фракийской тактике // Μν|μα: Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина / Отв. ред. О. Л. Габелко. Казань: Казанский государственный университет, 2002. С. 500–511 (0,8 а. л.).
30. Нефёдкин А.К. Новая история конницы? // Para bellum: Военно-исторический журнал. № 14. СПб., 2002. С. 107–116 (0,5 а. л.).
31. Нефёдкин А.К. Рода войск и тактика у готов в середине III — середине IV вв. // Актуальные проблемы всеобщей истории: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А. А. Егоров. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2002. С. 33–42 (0,5 а. л.).
32. Нефёдкин А.К. Спартанская «униформа»: особенности военного снаряжения лакедемонян в VII– IV вв. до н. э. // Исседон-ΙΣΣΗΔΩΝ: Альманах по древней истории и культуре / Отв. ред. А. В. Зайков. Т. I. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2002. С. 36–52 (1 а. л.).
33. Нефёдкин А.К. Древняя военная история на страницах петербургского журнала Para bellum // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб., 2003. С. 377–380 (0,2 а. л.).
34. Нефёдкин А.К. Изучение античного военного искусства в России: историографический обзор // Studia historica. Вып. III. М., 2003. С. 134–148 (1,2 а. л.).
35. Нефёдкин А.К. Нагота греческого воина: героика или

- реальность? // Проблемы античной истории: Сборник научных статей: К 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. С. 151–170 (1,3 а. л.).
36. Нефёдкин А.К. Рецензия на книгу: *Brzezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians, 600 BC – AD 450. (Men-at-Arms Series. 373). Oxford, 2002* // *Para bellum: Военно-исторический журнал*. № 2 (18). СПб., 2003. С. 101–106 (0,3 а. л.).
37. *Асклепиодот*. Тактическое искусство / Пер. и ком. А. К. Нефёдкина // *Para bellum: Военно-исторический журнал*. № 2 (22). СПб., 2004. С. 5–36 (2 а. л.).
38. Нефёдкин А.К. Всадники-амфиппы у древних греков // Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов межвузовской научной конференции, Нижний Новгород, 29–30 октября 2004 г. / Отв. ред. Е. А. Молев. Нижний Новгород: ННГУ, 2004. С. 50–53 (0,2 а. л.).
39. Нефёдкин А.К. Изучение феномена древнегреческой фаланги в отечественной историографии // Мавродинские чтения 2004: Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейная конференция, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. С. 127–128 (0,2 а. л.).
40. Нефёдкин А.К. Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 453–464 (0,6 а. л.).
41. Нефёдкин А.К. Катафрактная конница сарматов (по данным письменных источников) // *Воин*. № 16. Самара, 2004. С. 13–15 (0,5 а. л.).
42. Нефёдкин А.К. К вопросу об интерпретации изображения воина на одной стеле из Керчи // *Боспорский феномен: проблемы*

- хронологии и датировки памятники. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В. Ю. Зуев. Ч. I. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. С. 225–231 (0,3 а. л.).
43. Нефёдкин А.К. Несколько «катафрактных» вопросов // Исследования по истории и историографии России и зарубежных стран: Сборник научных статей, посвященных 60-летию исторического факультета Ставропольского государственного университета / Под ред. В. А. Шаповалова. Ставрополь: СГУ, 2004. С. 282–289 (0,7 а. л.).
44. Нефёдкин А.К. Тактика сарматов и аланов в I–IV вв. н. э. по свидетельствам античных источников // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci: Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego* / Pod redakcją J. Chochorowskiego. Kraków: Księgarnia akademicka, 2004. S. 299–315 (1,57 а. л.).
45. Нефёдкин А.К. Боевые порядки и тактика македонской кавалерии при Филиппе II // Актуальные победы всеобщей истории: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А. А. Егоров. Вып. 4. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 2005. С. 3–16 (0,6 а. л.).
46. Нефёдкин А.К. Военное дело иранцев по данным «Сказания о Зарере» // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленикого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года) / Отв. ред. В. П. Никоноров. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 138–140 (0,3 а. л.).
47. Нефёдкин А.К. Димахи армии Александра Македонского // Кондаковские чтения-I: Проблемы культурной преемственности. Материалы I Международной научной конференции / Ред. Н. Н. Болгов. Белгород: Издательство БелГУ, 2005. С. 80–83 (0,3 а. л.).
48. Нефёдкин А.К. Македонская конница до времени правления Филиппа II // *Para bellum: Военно-исторический журнал*. № 25. СПб.,

2005. С. 11–20 (0,5 а. л.).
49. *Никифор II Фока*. Стратегика / Пер. со среднегреческого и комментарии А. К. Нефёдкина. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с. (усл.-печ. л. 11,7). (Византийская библиотека. Источники). (Перевод — 1,2 а. л., комментарии — 3 а. л.).
50. Нефёдкин А.К. Сариссофоры армии Александра Македонского // Альманах молодых археологов. 2005. По материалам II Международной студенческой научной конференции «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири» / Гл. ред. В. Е. Ерёменко. Санкт-Петербург: Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2005. С. 123–129 (0,4 а. л.).
51. Нефёдкин А.К. Всадники-тарентинцы в эллинистических армиях // Античный мир и археология: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 109—117 (0,5 а. л.).
52. Нефёдкин А.К. Филипп II как организатор и командир македонской кавалерии // Актуальные проблемы всеобщей истории: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 5: Личность в истории / Отв. ред. А. А. Егоров. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 2006. С. 12–26 (0,8 а. л.).
53. Нефёдкин А.К. Конница Афин в конце IV– начале I в. до н. э. // Воин. № 3. Самара, 2007. С. 2–4 (0,4 а. л.).
54. Nefiodkin A. K. On the Origin of the Scythed Chariots // *Historia*. Bd. 53. Wiesbaden, 2004. Hf. 3. P. 369–378 (0,9 а. л.).
55. Nefiodkin A. K. The Tactical Development of Achaemenid Cavalry // *Gladius*. Vol. 26. Madrid, 2006. P. 5–18 (1 а. л.).